

Вернувшись домой и сразу же принявшись за работу, Цзи Пэйлинь наконец поднял голову.

Он взглянул на часы и собрался покормить Бай Юя.

Это было то, что Цзи Пэйлинь делал каждый день, когда находился дома.

Цзи Тяньюнь, давно уже не хотевший делать домашнее задание, увидев это, тут же обрадовался.

Ему тоже больше всего нравилось кормить рыбку!

Поэтому он, словно маленький хвостик, последовал за Цзи Пэйлинем, без умолку болтая.

— Дяденька, ты знаешь, что рыбка любит есть больше всего?

— А как дяденька обычно её кормит?

— У рыбки есть какие-нибудь предпочтения? Есть ли что-то, что она не может есть?

— Я слышал, многие русалки очень привередливы в еде. А рыбка привередлива?

Произнеся это, Цзи Тяньюнь сам покачал головой.

— Нет-нет, как же рыбку можно назвать привередливой? Это просто сама еда невкусная.

На всю эту болтовню Цзи Тяньюня Цзи Пэйлинь не ответил, но на последнюю фразу всё же бросил на него взгляд.

Затем настало время кормления.

Обычно Цзи Пэйлинь сам подносил Бай Юю его любимую еду.

Но сегодня из-за присутствия Цзи Тяньюня тот, подражая дяде, взял такую же порцию, достал свою маленькую стремянку, взобрался на неё и протянул еду Бай Юю.

С одной стороны — Цзи Пэйлинь с глубоким взглядом, с другой — Цзи Тяньюнь с горящими глазами.

Бай Юй: «.....»

Бай Юй почему-то вспомнил, как в прошлый раз, открыв дверь в клуб развлечений для русалок, увидел толпу русалок, которые тихо протянули к нему руки.

То знакомое чувство давления...

Но тогда Бай Юй мог просто закрыть дверь и сделать вид, что ничего не произошло.

А сейчас...

Бай Юй оглянулся на свой огромный аквариум и открытое окно.

Бай Юй замолчал.

Однако его молчание не вызвало недовольства ни у Цзи Пэйлиня, ни у Цзи Тяньюня.

Более того, Цзи Тяньюнь даже торжествующе рассмеялся.

— Ха-ха-ха! — Цзи Тяньюнь одним движением закатал рукав. — Оказывается, по сравнению с этим мяском, который, говорят, так обожают русалки, я всё-таки вкуснее! Так что, рыбка, не хочешь ли откусить кусочек? Я правда очень вкусный!

Бай Юй опешил...

Бай Юй ещё сильнее замолчал.

Стоявший рядом Цзи Пэйлинь медленно перевёл взгляд на своего улыбающегося и совершенно несерьёзного племянника.

— Ты не в первый раз говоришь это рыбке, да? — тихо спросил он.

Цзи Тяньюнь ещё не понял, он странно посмотрел на Цзи Пэйлиня.

— А? А... действительно, не в первый раз. Дядя, разве ты не считаешь, что я вкуснее этого мяска?

Цзи Пэйлинь пристально посмотрел на своего племянника, и знакомая головная боль накатила волной.

В каком-то смысле Цзи Тяньюнь, возможно, был прав.

Но то, что он не ошибся, не означает, что это правильно.

Поэтому Цзи Пэйлинь сам протянул еду Бай Юю и с улыбкой сказал:

— Малыш проголодался? Нужно хорошо кушать.

В деле кормления Бай Юя он по-прежнему проявлял терпение.

Однако сделав это, он подхватил недовольного Цзи Тяньюня.

Разумеется, он не забыл положить еду, которую держал племянник, в сторону.

— Я хочу с тобой ещё поговорить.

С этими словами он вытащил ещё не пришедшего в себя Цзи Тяньюня из комнаты.

И затем...

— Хлоп!

— А-а-а—!!!

Человек, завернутый с головы до ног, крадучись двигался вдоль стены, выглядывая из-за угла.

Спустя несколько дней после начала событий количество рыболодей, собравшихся у загородного дома, значительно сократилось, и появление Цзи Тяньюня больше не вызывало тех бурных реакций, что в самом начале.

К тому же он хорошо «замаскировался», так что оставшиеся рыболоды не стремились собраться у дома.

Единственное, на что стоило обратить внимание, — это группа качков в костюмах, которые могли появиться в любой момент.

Цзи Тяньюнь оглянулся по сторонам и назад.

Хотя он не был уверен, заметили ли его качки в костюмах, но ему было уже всё равно.

Цзи Тяньюнь прокрался под окно Бай Юя.

Подняв голову, он увидел уже знакомых птиц, сидевших на привычных местах.

Они не шумели, просто спокойно чистили перья.

Некоторые даже прятали головы под крылья, словно дремали.

Но это было неважно.

Важно было то, что он сейчас мог быть уверен: его дядя Цзи Пэйлинь не в комнате рыбки.

Дядя всегда занят.

Даже если после возвращения домой он проводит большую часть времени с рыбкой и даже спит в её комнате, но!

Вот она, его возможность!

Терпение — единственная добродетель!

Всё шло так, как он и представлял!

Достигнув цели, Цзи Тяньюнь, в условиях ограниченного пространства, включил свой личный терминал и создал виртуальные струны.

Немного «настроив» их, он начал медленно перебирать струны и запел...

Пение Цзи Тяньюня не было громким, просто из-за того, что оно исходило из уст школьника, звучало немного детским.

Его песня была лишена всякой техники, но полна чувств!

Из-за чрезмерного увлечения даже тихие птицы начали беспокоиться, а Бай Юй, находившийся в воде, сам подплыл к окну и выглянул наружу.

Как только Бай Юй показался, Цзи Тяньюнь запел ещё усерднее.

Бай Юй: «.....»

Бай Юю хотелось смеяться.

Он и представить себе не мог, что однажды окажется в такой ситуации.

Чтобы ему пели под окном.

Примерно в то время, когда Цзи Тяньюню удалось привлечь внимание Бай Юя, Цзи Пэйлинь, которого не было в комнате рыбки, тоже вышел. Он вышел из комнаты, направился во двор и

подошёл совсем близко к Цзи Тяньюню.

Однако Цзи Тяньюнь был настолько увлечён, что даже не заметил того, кого так старался избежать.

Когда он пёл на самых высоких нотах, полностью погрузившись в звук, кто-то вдруг хлопнул его по плечу.

Пение за окном резко оборвалось.

Завернутый с головы до ног, с открытыми только глазами, носом и ртом Цзи Тяньюнь поднял голову и, нисколько не удивившись, увидел своего дядю.

Этого мужчину, которого он и любил, и ненавидел.

Цзи Пэйлинь не сказал ни слова.

Но Цзи Тяньюнь словно услышал тысячи слов и почувствовал многое в молчаливом взгляде дяди.

Он бросил взгляд на Бай Юя, который утром, казалось, был в хорошем настроении, а затем посмотрел на своего дядю.

Как сказать...

После того как его несколько раз отлупили за последние дни, его дух возвысился.

Поэтому Цзи Тяньюнь держался очень спокойно, закрыл страницу своего личного терминала и как ни в чём не бывало встал перед Цзи Пэйлинем.

Подумав, он всё же решил сохранить лицо, особенно на глазах у Бай Юя.

Поэтому он очень охотно протянул обе руки и с откровенностью произнёс:

— Прошу тебя, дядя, бей по рукам, только оставь мне хоть немного лица.

Он произнёс это, тщательно контролируя громкость, совсем не желая, чтобы его слова «о пощаде» были услышаны Бай Юем.

Услышав это, Цзи Пэйлинь посмотрел на Цзи Тяньюня с выражением, которое можно было описать как... труднообъяснимое.

Ребёнок ещё маленький, а о своём лице уже заботится.

Но если ты действительно хочешь лицо...

Как же ты смог подойти к окну Бай Юя и с такой уверенностью начать петь? Ты правда думаешь, что поёшь хорошо?

Цзи Тяньюнь, казалось, понял, что хотел сказать взгляд Цзи Пэйлиня, и хихикнул, показывая свою толстокожесть.

Цзи Пэйлинь: «.....»

Цзи Пэйлинь поднял взгляд на подоконник Бай Юя.

И увидел, как Бай Юй улыбается и машет ему рукой.

Цзи Тяньюнь провёл здесь не так много времени, но за эти несколько дней успел натворить немало дел.

Помимо того, что в день его возвращения он обсуждал возможность «женитьбы» на Бай Юе и пытался накормить его самим собой — что было слишком абсурдно.

За последние дни он также приглашал Бай Юя вместе смотреть фильмы в комнате, сам бежал на кухню, чтобы приготовить для Бай Юя что-то, но в итоге накурил там дыму, и всячески старался в отсутствие Цзи Пэйлиня нашептывать Бай Юю о «своей верности любви» и прочее.

За всё это Цзи Тяньюнь уже не раз получал от Цзи Пэйлиня.

По сравнению с этим, пение под окном Бай Юя уже не казалось таким уж удивительным.

Цзи Тяньюнь, протянув руки, напряжённо смотрел на Цзи Пэйлиня.

<http://bllate.org/book/16928/1559286>